

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ДНИ

К 30-летию освобождения Севастополя

Прошло тридцать лет со дня освобождения города-героя Севастополя. В севастопольской эпопее участвовала и 89-я армянская Таманская стрелковая дивизия, в составе которой мне довелось служить. Я был военкором дивизионной газеты «Кармир зинвор» («Красный воин»), которую редактировал Симон Налбандян (ныне он работает в журнале «Ленинградский утроб»). Перелистываю пожелтевшие страницы фронтовой газеты, от них и до сих пор отдают пламенем огня, запахом пороха. Перечитываю свои корреспонденции, очерки и кажется, что вновь встречаюсь с теми, о ком писал в суровые годы войны.

Как дорогую реликвию храню розовую листовку, текст которой был составлен мною. Сначала это была обычная газетная заметка. Затем ее перепечатали в виде листовки на армянском и русском языках и сбрасывали с самолета в подразделения нашей дивизии. Посвящена она Герою Советского Союза старшему сержанту Айдину Арутюняну, участнику знаменитого штурма Сапун-горы — главного опорного пункта вражеских войск на подступах к Севастополю.

Сын колхозника села Торос Гунасянского района, до войны скромный учитель, коммунист Айдин Арутюнян стал воином-героем, прославившим свой народ. Мы с восхищением и гордостью произносили имя храброго солдата. Помню, когда я попросил его рассказать о битве за Сапун-гору, ставшей одной из самых памятных в летописи Великой Отечественной войны, Айдин сказал всего лишь несколько слов:

— Сапун-гора хотя и сильно была укреплена фашистами, но мы все-таки вышибли их оттуда. — Потом он в шутку добавил: — Да и какая это гора, так себе — холмик по сравнению с нашим Арагацем.

В дни освобождения Севастополя у меня произошли две интересные встречи, послужившие материалом для очерков, опубликованных в «Кармир зинворе».

...Когда тяжелораненого лейтенанта Людвика Рафаелля положили на операционный стол, военврач шепотом сказал:

— Надежды мало, но надо попробовать.

И он начал операцию. Вскоре полумертвый лейтенант застонал. Пульс постепенно стал учащаться. После операции раненого положили в отдельную палату: ему нужен был полный покой. К нему приставили медсестру Наташу. Она сидела у койки лейтенанта и читала книгу. Рафаелля спал. Вдруг он проснулся и впервые заговорил:

— Где я? — спросил Людвик, приподнимаясь. — Кто здесь?

— Вам нельзя говорить. Ложитесь, — ласково сказала Наташа. — Вы в полевом госпитале. А я медсестра.

Повернувшись забинтованной головой к Наташе, лейтенант спросил:

— Севастополь взят?

— Да, вчера ночью. Был салют.

— А я не видел...

Наступила тишина. Лейтенант о чем-то напряженно думал. Ему трудно было говорить, но, пересилив боль, сказал:

— Недавно я получил письмо от сестры. Пишет, что служит медсестрой. Я давно ее не видел.

Наташа отложила книгу и стала внимательно прислушиваться к тому, о чем рассказывал раненый с перевязанным лицом.

— А где вы жили до войны? — волнуясь, спросила Наташа.

— В Краснодаре.

— А как звали вашу сестру? — еще больше волнуясь, спросила она.

— Наташа.

Девушка вскочила и вскрикнула:

— Людвик! Это я, твоя сестра, Наташа!..

Когда очерк «Встреча» появился в газете, ко мне подходили и спрашивали, действительно ли все это правда. Пришлось устраивать «очную ставку». Скупые строки фронтового очерка. Почти протокольная запись. Но она взволновала воинов самым фактом.

После освобождения Севастополя я пошел посмотреть знаменитую панораму севастопольской обороны 1854 — 55 годов. Но, увы, она была разрушена. У развалин я заметил стоящую в скорбном молчании женщину. Я тихо подошел к ней.

— Сюда любил приходить мой сын... — женщина а всхлинула, глядя на меня.

— А где он теперь? — спросил я.

— Погиб два года назад.

...Случилось это в 1942 году, в самые тяжелые дни обороны Севастополя. Четырнадцатилетнего Колю мучила одна мысль: как уйти добровольцем в Красную Армию. Он знал, что если заговорит об этом, мать не

пустит: «Куда тебе!» И Коля искал выхода.

Однажды мать пришла до мной и не застала сына. На столе лежал лист бумаги: «Дорогая мама, прости, но больше я не могу сидеть дома. Я иду защищать Севастополь».

Колю не хотели принимать в рот. «Мал еще», — говорили ему. Но он со слезами на глазах упрямился командира оставить его в роте.

— Ладно, — согласился командир. — Будешь при штабе.

Шел сильный бой. В одном из домов укрепились три красноармейца. Они в упор стреляли из автоматов, изредка бросали гранаты. Боеприпасы были на исходе. Фашисты все ближе подходили к дому. Вдруг до бойцов донесся детский голос:

— Держитесь! Я несу вам патроны.

Красноармейцы не поверили своим глазам: к ним полз мальчик, за плечами которого был ранец, набитый патронами, а за поясом висели две связки гранат.

— Меня не пускали, — прерывисто дыша, сказал Коля. — Еле уговорил.

Бой продолжался...

— Об этом мне написал командир Коля, — сказала женщина и достала памятный конверт. Я прочитал это волнующее письмо и напечатал очерк «Коля из Севастополя».

Прошло три десятилетия со дня освобождения овеянного славой Севастополя. Но живы в памяти героические, незабываемые дни.

С. ДАРОНЯН,
старший лейтенант запаса.